

Шель Александра Викторовна

студент
Санкт-Петербургский
государственный университет
Санкт-Петербург, Россия

ПОНЯТИЕ КРИПТОВАЛЮТЫ В РОССИЙСКОМ ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ¹**Аннотация**

Рассматривается проблема неоднозначности правовой природы криптовалюты, влекущая за собой трудности в определении ее места в рамках объектов гражданских прав. Проведенное исследование позволило систематизировать и охарактеризовать ключевые доктринальные подходы к правовой квалификации криптовалюты. В научной литературе выделяются три основные концепции: рассмотрение криптовалюты в качестве особой формы цифровых денег; трактовка ее как разновидности цифровых финансовых активов; отнесение к категории «иного имущества» в рамках системы объектов гражданских прав. В ходе исследования изучены ключевые этапы трансформации понятия криптовалюты. Рассмотрены ранние законодательные попытки регламентировать «цифровые деньги» через нормы о цифровых правах, а также процесс выделения категории «цифровая валюта» и ее обособление от цифровых финансовых активов на основе критерия отсутствия обязанного лица. Итогом работы стало выявление разночтений в доктринальных позициях относительно того, какое место криптовалюта занимает в системе объектов гражданских прав и сделан вывод о том, что превалирует позиция об отнесении такого актива к категории «иного имущества».

Ключевые слова: цифровая валюта, криптовалюта, цифровые права

Введение

Появление такого финансового инструмента, как криптовалюта, обусловлено активным развитием технологий, в частности, технологии распределенного реестра (технологии блокчейна), снижением уровня доверия граждан к традиционным финансовым инструментам, ослаблением потребности в банках и иных финансовых посредниках [1]. Динамичное развитие технологий блокчейна и расширение сферы применения криптовалют обуславливают актуальность разработки и внедрения четкой системы регулирования возникающих правоотношений.

Несмотря на то, что в 2026 году капитализация рынка криптовалют снизилась в сравнении с 2025 годом (с осени 2025 года она упала на 50%, с пика 4,28 трлн. долларов до 2,6 трлн. долларов), невозможно отрицать желание инвесторов вкладывать огромные средства в такой рынок, так как данный вид активов обладает привлекательными характеристиками [2]. Например, такими как, виртуальная форма, анонимность и децентрализованность.

¹ Научный руководитель: Алексеенко Александр Петрович, доцент кафедры коммерческого права, канд. юрид. наук, Санкт-Петербургский государственный университет

Еще 10 лет назад, в отсутствие правового регулирования криптовалют в российском правовом поле, позиция мегарегулятора (Банка России) в отношении такого актива была негативной. Она расценивалась в качестве денежного суррогата, был установлен запрет на совершение операций с криптовалютами в связи с ее высокорискованным характером. При этом, начиная с 2018 года, были предложены законодательные инициативы, ознаменовавшие старт в вопросе разработки правового регулирования, поскольку позиция о полном игнорировании и установлении запрета существования в правовом поле криптовалют оказалась бесперспективной [3].

Целью исследования служит анализ основных доктринальных подходов к определению цифровой валюты как объекта гражданских прав, этапы трансформации ее правового регулирования в России, выявляются правовые противоречия, сильные и слабые стороны действующих подходов, а также формируется предложение по наиболее подходящей модели их регулирования в рамках российского законодательства.

Методологическую основу исследования составили общенаучные и специальные методы исследования, в том числе методы диалектической логики, анализ правовых норм и научной литературы, обобщение материала, моделирование, конкретизация, классификация, систематизация, синтез. Теоретическую основу исследования составили научные труды российских авторов, а также проекты нормативных правовых актов, регулирующих процессы цифровизации, включая вопросы цифровых прав, цифровых финансовых активов, цифровой валюты. В эмпирическую основу исследования положены материалы конференций и общественных обсуждений правового регулирования цифровой валюты.

Результаты исследования и их обсуждение

Путь преобразования понятия криптовалюты вызывает безусловный научный интерес. Первые шаги были сделаны в контуре законопроектов № 4246327-7 «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации (о цифровых правах)» (далее – законопроект о цифровых правах, законопроект № 4246327-7) и № 419059-7 «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – законопроект о ЦФА, законопроект № 419059-7). Хотя основное содержание упомянутых законопроектов сосредоточено на регламентации цифровых прав и цифровых

финансовых активов, их детальный анализ представляется методологически оправданным и значимым для комплексного понимания поставленных целей [4, 5].

Инициатива по внесению изменений в гражданское законодательство предусматривала закрепление в статье 141.2 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ) термина «цифровые деньги» [6]. Согласно позиции разработчиков законопроекта, под данным понятием предлагалось понимать набор электронных данных, выпускаемых в рамках определенной информационной системы. Примечательно, что такой инструмент не предполагал закрепления имущественных прав на объекты гражданского оборота, а выполнял исключительно платежную функцию.

Пояснительная записка к документу уточняла, что нормы о цифровых правах могли распространяться на «цифровые деньги», но лишь в тех ситуациях, когда они использовались как средство платежа в порядке, установленном законом. При этом особо подчеркивается, что такие «деньги» не наделяются статусом законного средства платежа [4].

Законодатель исходил из того, что введение в Гражданский кодекс РФ категории цифровых прав способно системно урегулировать ряд ключевых аспектов обращения криптовалют. В частности, это позволило бы четко определить правовой статус криптовалюты в системе объектов гражданских прав; установить, что ее оборот возможен исключительно через внесение соответствующих записей в информационную систему; закрепить возможность свободного отчуждения криптовалюты, включая куплю-продажу; регламентировать переход прав на «цифровые деньги» путем фиксации операций в системе; предусмотреть включение таких активов в конкурсную массу при банкротстве и в состав наследственного имущества; обеспечить правовую защиту участников гражданского оборота при совершении сделок с криптовалютой.

Вскоре понятие «цифровые деньги» перестало фигурировать в ходе рассмотрения указанного законопроекта при подготовке ко второму чтению.

Е.В. Богданов, М.А. Егорова, Л.Г. Ефимова в своих исследованиях указывают на спорность принятого разработчиками решения. Во-первых, внедрение «цифровых денег» позволило бы извлечь дальнейшие перспективы в целях развития цифровизации [7]. Во-вторых, несмотря на то, что в Официальном отзыве Правительства официальный отзыв Правительства РФ содержит принципиальное замечание, признание «цифровых денег» законным платежным средством

противоречило бы статьей 75 Конституции РФ, закрепляющей рубль в качестве единственной денежной единицы страны и запрещающей введение иных валют. Тем не менее в научной среде подчеркивается, что формулировка понятия «цифровых денег», предложенная в ст. 141.2 ГК РФ, по своей сути полностью соответствует общепринятому определению криптовалюты [4, 8].

Буквальное толкование указанной нормы Конституции Российской Федерации (далее – Конституция РФ) наталкивает на мысль о том, криптовалюты, находящиеся в обращении на территории Российской Федерации, должны быть квалифицированы в качестве денежного суррогата, при этом Л.Г. Ефимова отмечает наличие у криптовалют признака децентрализации, однако такой вывод (буквальное толкование) видится ошибочным, поскольку введенный конституционный запрет имеет ограниченную сферу действия, он распространяется исключительно на денежные суррогаты, эмитированные либо введенные в оборот на территории Российской Федерации [9].

Помимо официальной позиции Правительства РФ, критические замечания относительно концепции «цифровых денег» были высказаны Экспертным советом при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства. Эксперты обратили внимание на ряд проблемных аспектов предложенного определения [10]. В своем заключении к законопроекту № 4246327-7 (пункт 3.1.), они отмечают, что правовое определение криптовалюты, закрепленное в действующем законодательстве, подвергается обоснованной критике ввиду наличия существенных неясностей и противоречий.

Анализ проектируемой статьи 141.2 ГК РФ позволяет сделать вывод о том, что «цифровые деньги» не являются деньгами в привычном нам понимании. Поскольку под такими «деньгами» кроется сущность криптовалют, то важно подчеркнуть, что у них отсутствует обязательный субъект (эмитент), чьи обязательства могли бы быть связаны с правами обладателя такого актива. При этом, нет сомнений в том, что экономическая ценность криптовалюты определяется поведением участников оборота, они готовы совершать с ней сделки, подтверждая тем самым ее ценность. Также Совет также акцентирует внимание на ошибочности трактовки возможности осуществления платежей с использованием «цифровых денег», поскольку с юридической точки зрения такие действия нельзя квалифицировать как платежи, по

своей правовой природе их можно расценивать как сделки по отчуждению или передаче иных видов имущества, а не денежные расчеты в классическом понимании.

В законопроекте № 419059-7 разработчики также попытались дать толкование понятию «криптовалюта». Это положение получило отражение в пояснительной записке к проекту Закона о цифровых финансовых активах на этапе его первого чтения. Согласно предложенной концепции, криптовалюта трактовалась как разновидность цифрового финансового актива, который формируется и регистрируется в распределенном реестре цифровых транзакций самими участниками данного реестра с соблюдением установленных правил учета. В свою очередь, цифровые финансовые активы определялись законодателями как имущество в электронной форме, созданное посредством криптографических инструментов. [5].

На этапе второго чтения законопроекта понятие «криптовалюта» подверглось существенной трансформации, термин был заменен на «цифровая валюта». При этом изменилась и правовая квалификация объекта, вместо включения в категорию цифровых финансовых активов криптовалюта получила новое определение как совокупность электронных данных (цифрового кода или обозначения), размещенных в информационной системе, несмотря на то, что Экспертный Совет при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства в заключении напомнил об устоявшейся в доктрине позиции, в соответствии с которой криптовалюту относят к категории «иное имущество» [11].

Существенное различие между цифровыми финансовыми активами и цифровыми валютами заключается в наличии обязанного лица, первые удостоверяют определенные обязательства, для которых предусмотрено конкретное ответственное лицо, тогда как вторые не предполагают ни фиксации таких обязательств, ни указания обязанного субъекта.

На начальных этапах разработки законопроекта криптовалюту относили к категории цифровых финансовых активов. Поскольку в рамках этой категории прямо закреплено, что цифровые финансовые активы не признаются законным средством платежа на территории РФ, логичным следствием стало исключение возможности придания криптовалюте статуса официального платежного инструмента. Такой подход законодателям представляется обоснованным.

В результате дальнейшей правовой регламентации цифровая валюта (криптовалюта) получила нормативное закрепление в части 3 статьи 1 Федерального

закона от 31 июля 2020 года № 259-ФЗ (далее – Закон о ЦФА, Закон о цифровых финансовых активах) [12].

Отличительный признак, сохранившийся в ходе модификации указанного понятия, это указание на отсутствие субъекта, который считался обязанным перед обладателями цифровой валюты. Роль такого субъекта берет на себя оператор узлов информационной системы, обеспечивающий соответствие процедуры выпуска электронных данных установленным нормам и осуществляющий внесение записей в систему.

В силу положений Закона о ЦФА (часть 8 статьи 1), узлы информационной системы подразумевают под собой участников распределенного реестра, выполняющих функцию верификации данных. В их задачи входит обеспечение идентичности информации внутри системы за счет применения специальных процедур, подтверждающих корректность и достоверность любых вносимых или редактируемых записей.

М.А. Ионцев рассматривает каким образом трансформируются записи в распределенном реестре и их влияние на правовую квалификацию цифровой валюты, а также задается вопросом о допустимости отнесения ее к категории корпоративных прав [13].

Исследователь обращает внимание на то, что возникновение корпоративных прав неразрывно связано с процессом учреждения юридического лица. Данный тезис находит прямое подтверждение в положениях Гражданского кодекса РФ, регламентирующих гражданские правоотношения, где в рамках законодательства к корпоративным отношениям причисляются взаимодействия, обусловленные участием в корпоративных организациях либо осуществлением управленческих функций в отношении таких структур.

Вместе с тем автор обращает внимание на существенный пробел в действующем законодательстве, нормативное определение цифровой валюты не содержит указаний на характер взаимоотношений между узлами распределенного реестра и оператором информационной системы, что создает правовую неопределенность в данной сфере. Из-за этой правовой неопределенности нельзя однозначно утверждать, что между данными субъектами складываются корпоративные отношения.

Анализ обязанностей оператора по отношению к пользователям (узлам) позволяет выявить их частичное присутствие, например, в процессе эмиссии

цифровой валюты. Однако детальное изучение природы этих взаимоотношений показывает, что они не связаны с имущественными правами, а носят организационно-деловой характер.

Законодатель, закрепляя признак отсутствия обязанного лица перед держателями цифровых валют, тем самым прямо указывает на отсутствие традиционного эмитента. В результате цифровая валюта формируется в информационной системе автоматически, без участия конкретного субъекта, все работает на основе заранее заданных алгоритмов, встроенных в архитектуру системы.

С учетом всех рассмотренных аспектов исследователь делает итоговый вывод о невозможности отнесения цифровой валюты, к категории корпоративных прав, поскольку она не соответствует их ключевым признакам и правовой природе.

До сих пор отмечается, что закрепленное в положениях Закона о ЦФА определение цифровой валюты имеет недостатки, оно не указано в качестве объекта гражданских прав, отсутствует четкое представление об участии такого объекта в обороте, при этом предусматривается возможность квалифицировать цифровую валюту как имущество в рамках применения отдельных нормативных правовых актов [14]. В частности, это позволяет осуществлять изъятие цифровых активов в ходе исполнительного производства либо включать их в состав конкурсной массы при банкротстве.

Примечательно, что вопрос правовой квалификации цифровой валюты (в т. ч. криптовалюты) в качестве иного имущества начал обсуждаться в судебной практике задолго до принятия Закона о цифровых финансовых активах (ЦФА), что подмечает М.А. Ионцев [13]. Судебная практика неоднократно подчеркивала диспозитивный характер гражданско-правовых норм, соответственно мы не можем рассматривать перечень объектов гражданских прав, закрепленный в статье 128 Гражданского кодекса РФ, как ограниченный.

Кроме того, в ходе анализа положений гражданского законодательства суды отмечали, что категория «иное имущество», закрепленная в статье 128 ГК РФ, не имеет ясной нормативной детализации, так как ее содержание не раскрывается через конкретные примеры или исчерпывающий список.

Такая правовая неопределенность создает предпосылки для расширительного толкования данного понятия. Особенно актуальной эта возможность становится на фоне стремительного развития цифровых технологий, в связи с чем появляются новые

виды активов и имущественных отношений, которые не были предусмотрены на момент формулирования нормы.

Таким образом, гибкость гражданско-правового регулирования и отсутствие жестких ограничений в определении «иного имущества» позволяют адаптировать законодательство к современным реалиям, в том числе к распространению цифровых объектов, обладающих экономической ценностью.

Вывод

Преобразование правового понимания понятия криптовалюты отличается неоднозначностью. Изначально законодательство ориентировалось на концепцию «цифровых денег» и предполагало распространение на них норм о цифровых правах. Эволюция правового статуса криптовалюты привела к ее трансформации в категорию «цифровой валюты», по сути некий обособленный класс активов, отделенный от цифровых финансовых активов и цифровых прав. Основанием для такого разграничения послужило отсутствие эмитента, то есть субъекта, у которого есть обязательства коррелирующие с активом.

При этом нормативное определение цифровой валюты, закрепленное в Законе о цифровых финансовых активах, не дает четкого ответа на вопрос о ее месте в системе объектов гражданских прав (статья 128 ГК РФ). Однако в отдельных сферах правового регулирования законодатель фактически признает ее имуществом, о чем свидетельствуют положения Закона о ЦФА.

Соответственно, несмотря на нематериальную природу, цифровая валюта наделяется имущественным содержанием в конкретных правоотношениях. Это создает правовые основания для интеграции подобных активов в систему гражданско-правового регулирования и позволяет рассматривать их в качестве «иного имущества» в контексте статьи 128 ГК РФ.

Список использованных источников

1. Блокчейн в платежных системах, цифровые финансовые активы и цифровые валюты: учебное пособие для магистратуры / под ред. Т.Э. Рождественской, А.А. Ситника. – Москва: Норма: ИНФРА-М, 2026. – 128 с. – ISBN 978-5-00156-171-2. – Текст: электронный. – URL: <https://znanium.ru/catalog/product/2172762> (дата обращения: 25.03.2026). – Режим доступа: по подписке. – ISBN: 978-5-00156-171-2

2. Капитализация рынка криптовалют сократилась почти вдвое с октября 2025 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://center.business-magazine.online/fn_1798629.html (дата обращения 21.02.2026).

3. Костикова Е.Г. Криптовалюты в финансовой системе России: новые подходы к правовому регулированию // Безопасность бизнеса. 2022. № 4. С. 41-47. – DOI: 10.18572/2072-3644-2022-4-41-47. – EDN: QAVITW

4. Проект федерального закона от 26.03.2018 № 4246327-7 «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации (о цифровых правах)» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/424632-7> (дата обращения: 23.02.2026).

5. Проект федерального закона от 20.03.2018 № 419059-7 «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://sozd.duma.gov.ru/bill/419059-7#bh_histras (дата обращения: 23.02.2026).

6. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ: по сост. на 31.07.2025 // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.

7. Богданов Е.В. Проблема собственности в финансовых сделках в условиях цифровизации экономики // Современное право. 2019. № 3. С. 47-52. – DOI: 10.25799/NI.2019.59.59.025. – EDN: ZCEJBZ

8. Егорова М.А., Ефимова Л.Г. Понятие криптовалют в контексте совершенствования российского законодательства // Lex russica. 2019. № 7. С. 130 – 140. – DOI: 10.17803/1729-5920.2019.152.7.130-140. – EDN: MQMAJY

9. Ефимова Л.Г. Некоторые аспекты правовой природы криптовалют // Юрист. 2019. № 3. С. 12 - 19. – DOI: 10.18572/1812-3929-2019-3-12-19. – EDN: ZARCWL

10. Экспертное заключение по проекту федерального закона № 424632-7 «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации» (принято на заседании Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства 23.04.2018 № 175-2/2018) [Электронный ресурс]. Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

11. Экспертное заключение по проекту федерального закона № 419059-7 «О цифровых финансовых активах и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации (принято на заседании Совета при Президенте РФ по

кодификации и совершенствованию гражданского законодательства 23.04.2018 № 175-5/2018) [Электронный ресурс]. Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

12. Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»: по сост. на 15.12.2025 // «Собрание законодательства РФ». 2020. № 31 (часть I). Ст. 5018.

13. Ионцев М.А. Понятие цифровой валюты в российском законодательстве и ее правовая природа // Евразийский юридический журнал. 2025. № 1. С. 237-240. – DOI: 10.46320/2073-4506-2025-1-200-237-240. – EDN: MNPGGQ

14. Ежегодная научная конференция центра частного права // Вестник гражданского права. 2021. № 4. С. 9-57. – DOI: 10.24031/1992-2043-2021-21-4-9-57. – EDN: IDOTOG